

ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
«ОБЩЕСТВО БУРЯТСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЯ-ГАНГА»

**БУДДИЙСКАЯ КУЛЬТУРА:
ИСТОРИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ,
ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ИСКУССТВО**

СЕДЬМЫЕ ДОРЖИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ
БУДДИЗМ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Материалы конференции

Улан-Удэ

6–8 июля 2016 года

**Санкт-Петербург
2018**

Взаимодействие буддийской общины калмыков и Российского государства во второй половине 20-х – 50-е гг. XIX в.¹

В статье рассмотрено взаимодействие буддийской общины калмыков и Российской империи в европейской части России во второй половине 20-х – 50-е гг. XIX в. В указанный период бюрократизация, военизация и системный контроль над внутренней политикой империи затронули и управление иноверческими общинами. Буддийское духовенство активно интегрировалось в систему регионального административного аппарата. В рассматриваемый период был принят комплекс документов, регулирующих жизнь сангхи приволжских, уральских и донских калмыков.

***Ключевые слова:** сангха, империя, государственное регулирование, легитимация, русификация, клерикальная элита.*

Правление Николая I — время, характеризующееся усилением контроля правительства над всеми сферами жизни российского общества. В этот период значительной регламентации подверглась и религиозная сфера. На протяжении всего правления Николая I шел активный процесс государственной нормотворческой деятельности в сфере религиозной жизни. Православная церковь стала одним из инструментов сохранения социально-политической стабильности в империи, был разработан и принят устав духовной цензуры, ужесточен контроль над «иноверческими» религиозными общинами. Ориентация на бюрократизацию государственного аппарата, регламентация положения национальных окраин, распространение «системы попечительства» сузили политику веротерпимости в отношении инославных конфессий, предопределили ограничения и в отношении буддийской общины приволжских калмыков.

Одной из форм контроля правительства над социально-экономической ситуацией в Калмыцкой степи в 20–50-е гг. XIX в. стали проверки, инспирированные Сенатом. В частности, проверка Ф. И. Энгеля была вызвана обострением ситуации в калмыцких улусах, столкновениями между отдельными группировками светской элиты, усилением политической активности буддийского духовенства калмыков.

В августе 1827 г. сенатор получил распоряжение императора о начале проверки Калмыцкой степи Астраханской губернии в соответствии с инструкциями 1819–1820 гг. [6, с. 109–110]. Основной задачей ревизии сенатора

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ «Аккультурация нерусских: имперские проекты и повседневная практика (на примере астраханских калмыков)» № 15-31-01007.

Ф. И. Энгеля было изучение социально-политической ситуации в калмыцких улусах Астраханской губернии, анализ работы региональных властей и их взаимодействия с калмыцкой аристократией. Рескрипт предписывал обсудить с калмыцкой светской и клерикальной элитой законодательство 1825 г., выяснить его слабые стороны и необходимость разработки нового законопроекта [15, л. 89].

Сенатская ревизия начала работу в Астраханской губернии в сентябре 1827 г. Сенатор Ф. И. Энгель исследовал документацию комиссии калмыцких дел, обратив внимание на необходимость систематизации документооборота [15, л. 118 об.]. Важнейшей задачей проверки Ф. И. Энгеля было изучение роли буддийского духовенства в социально-политической и социально-экономической жизни региона, установление причин значительной численности калмыцкой монашеской общины. В соответствии с задачами ревизии, сенатор за время своего посещения Калмыцкой степи собирал информацию о внутренней структуре, социально-экономической жизни калмыцких монастырей, системе взаимодействия духовенства и населения калмыцких улусов, роли монашеской общины в жизни общества [11, л. 5, 47].

Несмотря на противодействие значительной части светской элиты, относительно численности духовенства улусов Ф. И. Энгель пришел к выводу о тесном взаимодействии светской и клерикальной элиты Калмыцкой степи, о значительной поддержке буддийских монастырей со стороны владельцев улусов. По мнению сенатора, буддийская община являлась одним из важнейших социально-политических институтов Калмыцкой степи, регламентация деятельности которого была в интересах Российского государства. Одним из предложений сенатора по результатам проверки Калмыцкой степи было формирование буддийского духовного совета, или консистории, при калмыцком первосвященнике. Этот совещательный орган, подконтрольный правительству, было необходимо создать для осуществления пророссийской политики в буддийской общине Калмыцкой степи [11, л. 245 об.].

По мнению Ф. И. Энгеля, законодательство 1825 г. не отвечало социально-политической ситуации в Калмыцкой степи, активизировало противоречия в калмыцком обществе, разрушало систему межсословного взаимодействия [18, л. 285]. Важным результатом ревизии стала активизация поддержки государством калмыков, принявших православие. Ревизия сенатора Ф. И. Энгеля определила, что основная часть крещеных калмыков испытывала экономические трудности и бедствовала, что было отмечено в докладе Николаю I [4, с. 88].

Выводы сенатской ревизии Ф. И. Энгеля, а также предложения и обращения от чиновничества, калмыцкой светской элиты и буддийского духовенства вызвали необходимость разработки и принятия нового законодательства — «Положения об управлении калмыцким народом», утвержденного в ноябре 1834 г. императором [16, л. 286].

Законодательство 1834 г. сформировало особую социально-политическую систему взаимодействия в калмыцких улусах, в историографии вопроса получившую название «системы попечительского абсолютизма» [5, с. 244]. Законодательство 1834 г. учреждало новый региональный политический орган власти — Управление калмыцким народом, была сформирована новая административная система Калмыцкой степи Астраханской губернии, легитимизировалась устоявшаяся социально-политическая структура калмыцкого общества [7, Отд-ние 2, Прибавление к IX-му т., с. 19].

«Попечительский абсолютизм», реализуемый в Калмыцкой степи по законодательству 1834 г., влиял и на формирование государственной системы управления буддийской монашеской общиной калмыков. Законодательство закрепляло роль буддийской идеологии и носителей буддизма в социально-политической жизни калмыцких улусов, определяло структуру буддийской общины, предписывало участие буддийского духовенства в политической жизни Калмыцкой степи, официально вводило присягу в соответствии с обрядностью калмыцкой буддийской традиции [7, Отд-ние 2, Прибавление к IX-му т., с. 21].

В законодательстве 1834 г. уделено значительное внимание буддийскому духовенству Калмыцкой степи. Седьмая глава Положения непосредственно посвящена буддийскому духовенству и буддийской общине калмыков. По законодательству 1834 г. одним из региональных органов власти становилось «Ламайское духовное правление», сформированное в соответствии с предложениями сенатора Ф. И. Энгеля. Новый клерикальный совещательный орган создавался как подразделение Совета калмыцкого управления [7, Отд-ние 2, Прибавление к IX-му т., с. 19].

В состав правления входил калмыцкий первосвященник и четыре настоятеля крупнейших буддийских монастырей Калмыцкой степи. Состав правления избирался на три года из представителей клерикальной элиты калмыцких улусов, представляемых владельцами и управляющими лицами [1, т. 1, с. 493]. Глава буддийской монашеской общины, в соответствии с законодательством 1834 г., являлся должностным лицом региональной бюрократической системы. Первосвященник последовательно утверждался астраханским губернатором, министром внутренних дел и императором [7, Отд-ние 2, Прибавление к IX-му т., с. 20].

По законодательству 1834 г. Ламайское духовное правление было обязано заниматься разбором брачно-семейных тяжб в соответствии с нормами обычного права, контролировать жизнь буддийских монастырей в соответствии с рекомендациями региональных светских властей [7, Отд-ние 2, Прибавление к IX-му т., с. 27].

Несмотря на то, что в системе региональных властей появился орган власти, имевший в своем составе буддийское духовенство, буддийская община контролировалась и региональными светскими властями. Вынесенные

Ламайским духовным правлением распоряжения исполнялись только после принятия их Советом калмыцкого народа. Кроме чиновников Ламайского духовного правления и Совета калмыцкого народа, надзор за буддийскими монастырями осуществляли улусные попечители, главный попечитель калмыцкого народа и астраханский губернатор. Улусные попечители и главный попечитель контролировали повседневную жизнь и деятельность всего буддийского духовенства Калмыцкой степи. Астраханский военный губернатор утверждал все принятые положения региональных органов власти, давал санкцию на возведение в сан или лишение сана буддийских священнослужителей [7, Отд-ние 2, Прибавление к IX-му т., с. 23].

В соответствии с законодательством 1834 г., исходя из подробных инструкций, направленных Министерством внутренних дел, астраханский военный губернатор И. С. Тимирязев в 1836 г. приступил к формированию нового регионального органа власти Калмыцкой степи — Ламайского духовного правления. Губернатор в мае 1836 г. направил обращение к светской аристократии и духовенству калмыков, в котором запрашивал имена претендентов на пост ламы и на должности членов Ламайского духовного правления.

На пост ламы владельцами улусов было выдвинуто несколько кандидатов. Ряд владельцев во главе с князем Тюменем предложили избрать ламой представителя торгоутского духовенства Джамбо-багшу Габунг Намкиева. Лама имел значительный авторитет в среде прихожан и духовенства своего улуса, являлся признанным специалистом в буддийской обрядности и философии [17, л. 4 об.]. Несмотря на поддержку ламы Намкиева группой светских владельцев, существовали и другие претенденты на пост калмыцкого первосвященника. Торгоутские и багацохуровские владельцы предложили на пост ламы калмыцкого народа Сама-багшу [17, л. 4 об.]. В сложившейся ситуации астраханский военный губернатор И. С. Тимирязев поддержал наиболее авторитетную и многочисленную часть калмыцких владельцев, предложивших кандидатуру Джамбо-багши. В соответствии с законодательством 1834 г. астраханский военный губернатор представил кандидатуру ламы министру внутренних дел Д. Н. Блудову, и после утверждения кандидатуры ламы Намкиева министром этот лама был назначен на пост указом Николая I [17, л. 6].

После выбора и утверждения ламы губернатор И. С. Тимирязев начал работу по организации работы Ламайского духовного правления в соответствии с законодательством 1834 г. Губернатор направил соответствующее обращение светской и клерикальной элите Калмыцкой степи, в котором предложил наметить кандидатов в новый орган региональной власти [17, л. 15–15 об.].

При формировании Ламайского духовного правления губернские власти также предоставили калмыцкой аристократии возможность самостоятельно определиться с претендентами на руководящие должности. В октябре

1836 г. в Астрахани состоялись выборы, на которых был сформирован новый клерикальный орган власти. В ходе закрытого голосования, проходившего в присутствии российских чиновников, аристократия и духовенство Калмыцкой степи выбрали членов Ламайского духовного правления от Хошеутовского, Малодербетовского, Харахусовского и Багацохуровского улусов. В состав правления вошли гелюнги Цюрюм Доржи, Цюрюм Дензен, Гелик и Лушур-багши [12, л. 1–1 об.].

Первое заседание нового органа власти Калмыцкой степи — Ламайского духовного правления — прошло под председательством ламы Намкиева в Астрахани 28 октября 1836 г. [12, л. 7]. Отметим, что новый для калмыцкой буддийской традиции клерикальный орган проработал до октября 1848 г.

Наличие механизма регулирования жизни буддийской общины в виде бюрократического аппарата Ламайского духовного правления позволило региональным властям реализовать одну из главных целей политики регламентации внутренней жизни Калмыцкой степи — осуществить контроль за внутрисословным распределением финансовых потоков. По предписанию астраханского военного губернатора И. С. Тимирязева в январе 1837 г. Ламайское духовное управление начало сбор сведений о пожертвованиях буддийским монастырям и духовенству. В обязанности казначеев калмыцких буддийских монастырей вменялось ведение оформленных по требованиям российской бюрократической системы того времени приходно-расходных книг с ежегодной отчетностью. С января 1837 г. предписание И. С. Тимирязева о предоставлении ежегодной финансовой и статистической отчетности стало обязательным для исполнения во всех буддийских монастырях Калмыцкой степи [13, л. 5].

Анализ реализации Положения 1834 г. в 40-е гг. XIX в. стал основой для разработки нового законодательства, которое, по мнению правительства, могло интенсифицировать систему управления калмыцким народом. Министерство государственных имуществ совместно с Министерством внутренних дел и властями Астраханской губернии создало «Положение об управлении калмыцким народом», которое было утверждено Николаем I 23 апреля 1847 г.

Законодательство 1847 г. включило калмыцкие улусы Астраханской губернии в сформированную систему регионального управления в рамках доктрины «государственной опеки». По новому Положению, контроль над Калмыцкой степью Астраханской губернии переходил из ведения Министерства внутренних дел в ведение Министерства государственных имуществ, а региональное управление калмыцкими улусами вверялось региональным ведомствам Министерства государственных имуществ. Именно управляющему Астраханской палатой государственных имуществ (Главному попечителю), подчинявшемуся астраханскому военному губернатору, была передана вся полнота власти над улусами Калмыцкой степи.

Законодательство 1847 г. упразднило Совет калмыцкого управления. Новым органом региональной власти при Астраханской палате государственных имуществ стало Отделение по делам калмыцкого народа [8, Отд-ние 1, с. 358].

Буддийская традиция и буддийское духовенство калмыков, по новому Положению 1847 г., сохранили особый правовой статус в калмыцком обществе и в российском законодательстве. Духовное сословие определялось законодательством 1847 г. как привилегированное сословие в социально-политической иерархии калмыцкого народа. Калмыцкие первосвященники, так же как и светская элита Калмыцкой степи, могли быть подсудны только при наличии разрешения со стороны Сената [8, Отд-ние 1, с. 351]. Российское законодательство признавало буддизм в качестве религии приволжских калмыков. Население Калмыцкой степи имело право свободно исповедовать буддизм на основании первого параграфа второй главы Положения 1847 г. [8, Отд-ние 1, с. 350].

По законодательству 1847 г., вносились коррективы в управление буддийской общиной Калмыцкой степи. Контроль над буддийскими монастырями был поделен между Астраханской палатой государственных имуществ и калмыцким первосвященником. Светские власти решали вопросы, связанные со штатом буддийских монастырей, вели статистику, обеспечивали выполнение законодательных актов, защищавших право исповедания буддизма приволжскими калмыками, контролировали исполнение законодательства священнослужителями [8, Отд-ние 1, с. 367].

Лама калмыцкого народа по законодательству 1837 г. имел привилегированный статус как в рамках калмыцкой буддийской традиции, так и в региональной иерархии власти. Являясь калмыцким первосвященником, лама был в подчинении у главного попечителя калмыцкого народа [8, Отд-ние 1, с. 357]. Законодательство 1837 г. прекращало действие Ламайского духовного правления, которое не смогло выполнить задачи, поставленные перед ним российским правительством. Вместе с тем, российские власти сохранили элементы выборности в процедуре определения главы буддийской общины калмыков. Кандидатура калмыцкого первосвященника представлялась светскими владельцами калмыцких улусов астраханскому губернатору, который, после выбора определенного претендента, представлял его министру внутренних дел. Утверждал кандидатуру ламы император [8, Отд-ние 1, с. 364].

Законодательство 1847 г. ставило перед ламой калмыцкого народа следующие задачи: контроль над монастырскими хозяйствами Калмыцкой степи, отслеживание соответствия кадровой политики монастырей российскому законодательству, регулирование брачно-семейных вопросов в калмыцких улусах [8, Отд-ние 1, с. 365].

Участие в жизни буддийской традиции Калмыцкой степи светских (Астраханская палата государственных имуществ) и духовных властей (лама)

являлось уникальным примером в конфессиональной политике Российской империи XIX – начала XX в. [2, с. 100].

Безусловно, законодательство 1847 г. вводило системный контроль государства над калмыцкими буддистами, но, вместе с тем, оно легитимировало буддийскую идеологию, сохраняло представительство буддийского духовенства и во властных структурах, и в церемониальной стороне российско-калмыцкого взаимодействия (буддийская присяга в национальном суде Зарго) [2, с. 362].

Введение этого законодательства в Калмыцкой степи открыло новый этап ограничительной политики в отношении буддийской традиции калмыков, определив штат и число монастырей, а также сформировало условия для нового этапа миссионерской деятельности Русской православной церкви в калмыцких улусах [1, т. 3, с. 235].

Законодательство 1847 г. явилось последним крупным юридическим документом в истории ограничительной политики Российского государства в отношении буддийской традиции приволжских калмыков в XIX – начале XX в. Взаимодействие региональных и центральных властей с буддийской общиной калмыков в этот период строилось на основании положений законодательства 1847 г. Отметим, что буддийское духовенство калмыков негативно восприняло новый виток ограничительной политики и на протяжении XIX – начала XX в. пыталось оспорить его необходимость.

Интеграция клерикальной элиты Калмыцкой степи в российскую региональную систему управления реализовывалась на протяжении всего рассматриваемого периода. Безусловно, важнейшим этапом было создание Ламайского духовного правления и включение калмыцкого первосвященника в региональную бюрократическую систему. Калмыцкие хурулы активно контролировались региональными властями. Астраханская палата государственных имуществ проверяла сдачу настоятелями буддийских монастырей ежегодных финансовых и статистических отчетов, несмотря на сопротивление духовенства, традиционно независимого от светских властей. Главной задачей конфессиональной политики правительства в отношении калмыцкой буддийской общины было сокращение числа монашествующих. В связи с этим кадровая политика хурулов находилась под особым контролем региональных властей с начала XIX в.

Отметим, что система взаимодействия государства и буддийского духовенства в рассматриваемый период была схожей и в регионах компактного проживания калмыков за пределами Калмыцкой степи Астраханской губернии. Характерными чертами конфессиональной политики был жесткий контроль над монастырскими комплексами, регламентация деятельности духовенства и его сокращение.

В Войске Донском буддийское духовенство существовало в Калмыцком округе, несмотря на активное противодействие региональных властей.

Отметим, что общая тенденция к сокращению буддийских монастырей и духовенства в результате санкций правительства наблюдалась и в Войске Донском. Вместе с тем источники свидетельствуют, что за 14 лет (1820–1834 гг.) буддийское духовенство у донских калмыков сократилось незначительно (с 253 до 205 человек) [10, с. 128].

Правительство осуществило ряд реформ Войска Донского, что не могло не отразиться и на буддийской общине донских калмыков в 30-е гг. XIX в. Законодательство 1835 г. учреждало в Калмыцком округе Войска Донского Калмыцкое правление, в состав которого вошли представители светской и клерикальной элиты донских калмыков [7, Отд-ние 1, с. 591]. Отметим, что, несмотря на принятие нового законодательства и систематизацию контроля над буддийским духовенством донских калмыков, его численность в 30–40-е гг. XIX в. даже незначительно увеличилась (с 258 до 264 человек к 1836 г.) [3, с. 16].

Правительство последовательно добивалось сокращения числа буддийских монастырей и духовенства в Войске Донском, не прибегая к репрессивным методам, действуя осторожно, но системно. В июле 1849 г. Военное министерство ограничило количество буддийских монастырей донских калмыков, определив штат одного монастырского комплекса в 12 монахов [3, с. 19].

Отметим, что у донских калмыков сокращение штатов монастырей осуществлялось так же, как и в Калмыцкой степи Астраханской губернии. Правительство стремилось уменьшить число монахов естественным путем — ограничивая прием новых священнослужителей в штат хурулов, противодействуя функционированию системы монастырских школ [3, с. 19]. В результате подобной политики в Калмыцком округе Войска Донского число буддийских священнослужителей во второй половине XIX в. сократилось практически в два раза [9, с. 57–58].

Аналогичная политика осуществлялась в рассматриваемый период и в Уральском казачьем войске. Несмотря на небольшой размер монашеской общины у уральских калмыков, региональные власти стремились ещё более сократить штат буддийских монастырей. Отметим, что уже во второй половине XIX в. в штате 10 буддийских монастырей уральских калмыков был 21 монах [1, т. 1, с. 676]. Сравнительный анализ показывает незначительную численность буддийской общины в Войске Донском и в Уральском казачьем войске. Для сравнения — в штате 8 монастырей одного только Хошеутовского улуса Калмыцкой степи Астраханской губернии было 177 монахов [14, л. 189].

Отметим, что 20–50-е гг. XIX в. являлись важнейшим периодом в жизни буддийской общины калмыков и в ее взаимодействии с государственным аппаратом Российской империи. В период правления Николая I государство методом проб и ошибок выстроило систему взаимодействия с калмыцкой

буддийской традицией. Несмотря на то, что основой политики государства была «теория официальной народности», в отношении буддийской общины калмыков не принималось значительных ограничительных мер, реформирование осуществлялось поэтапно, без обострения социально-политической ситуации в калмыцких улусах, в рамках сложившейся политики веротерпимости. Бюрократизация, военизация и системный контроль над внутренней политикой империи затронули и управление иноверческими общинами. Правительство с конца XVIII в. осуществляло политику по регламентации деятельности буддийской общины калмыков, видя в ней социально-политического соперника, противника ассимиляции и русификации калмыков, вырабатывало механизмы ограничительной политики, которые были реализованы правительством Николая I.

Литература

1. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. / ред. К. Н. Максимов, Н. Г. Очирова и др. — Элиста: ГУ «Изд. дом “Герел”», 2009. — Т. 1. — 848 с.; т. 2. — 840 с.; т. 3. — 752 с.
2. Лукьянов С. А. Роль Департамента Духовных дел Иностранных Исповеданий МВД Российской Империи в реализации государственной вероисповедной политики (1832–1917). — М.: Спутник, 2009. — 356 с.
3. Максимов К. Н. Административные реформы на Дону и образование Калмыцкого округа в составе Войска Донского // Вестн. Калмыцкого ин-та гуманитарных исследований РАН. — 2014. — № 3. — С. 12–22.
4. Орлова К. В. История христианизации калмыков: середина XVII – начало XX в. — М.: Вост. лит., 2006. — 207 с.
5. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период / ред. Н. В. Устюгов, И. Я. Златкин, Е. Н. Кущева и др. — М.: Наука, 1967. — 479 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 37: 1820–1821. — СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — 988 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе: [с 12.12.1825 по 28.02.1881]. Т. 10: 1835: [В 2-х отд-ниях]. — СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1836. — [2], 1269, [1], 388, 33, [1], 71, [19], 54, [2] с.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе: [с 12.12.1825 по 28.02.1881]. Т. 22: 1847: [В 2-х отд-ниях]. — СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1848. — [2], 950, [2], 284, 31, [1], 42, [8] с.
9. Труды Донского войскового статистического комитета. Вып. 2. — Новочеркасск: Областная войска Донского типография, 1874. — 364 с.
10. Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). — Элиста: Калм. ин-т обществ. наук, 1992. — 317, [2] с.
11. НАРК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 16.

12. НАРК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 1.
13. НАРК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 7.
14. НАРК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 37.
15. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 33.
16. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 111.
17. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1221.
18. РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 22.